

УДК 322.94(470)

Дубровский А.М., доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия);
Шадоба К.С., студент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ОТНОШЕНИЕ ВЛАСТИ, НАРОДА, ЦЕРКВИ К ПОЛИТИКЕ «ВСКРЫТИЯ МОЩЕЙ ВО ВСЕРОССИЙСКОМ МАСШТАБЕ» (1918-1922 гг.)

В статье рассматривается важный и особенно острый для нашей страны вопрос взаимодействия светского государства и церкви как на низовом так и на самом высшем уровне, на примере одного из аспектов церковной жизни. Политика, проводимая советским государством в первые годы советской власти, породила множество спекуляций и ошибочных интерпретаций, вызванных поверхностным изучением предмета, и укоренившихся стереотипов. В статье уточняются существующие представления о процессе вскрытия мощей, вскрываются ошибки ряда исследователей. Главной проблемой является оценка современниками и непосредственными участниками событий проводимой государством политики и её итогов. Ключевым методом работы выбран метод сличения документов светских властей, церковных органов и воспоминаний очевидцев событий. Вскрытие мощей как процесс, начавшийся снизу и подхваченный позже государством, как низовой и действительно влияющий на отношения простых людей к церкви, не смог ликвидировать воцерковленность народных масс. Однако был фоном на котором строилось взаимодействие новой власти и организации русской православной церкви в первые годы советской власти.

Ключевые слова: вскрытие мощей, русская православная церковь, советская власть, гражданская война в России, Ленин, Красиков Петр Ананьевич, патриарх Тихон, ВЧК, НАРКОМЮСТ, VIII-й отдел «Ликвидационная комиссия».

DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-01-78-95

Историография темы настоящей статьи представлена исключительно статьями. Бульшая их часть посвящена вскрытию мощей отдельных святых. Это работы А.Н. Кашеварова «Судьба мощей святого князя Александра Невского в советское время» [12], Е.А. Газова «Документы о вскрытии мощей св. княгини Анны Кашинской» [7] и др. Работ, охватывающих вскрытие мощей во все-российском масштабе, пока не

создано, и работы, самые широкие по охвату материала, посвящены этому событию только в разных областях и регионах. Это труды Ю.П. Бардилева и В.В. Кузь «Борьба верующих против вскрытия святых мощей на Европейском Севере России в 1918–1920 гг.», П.Г. Рогозного. «Большевики и святые мощи». Особое место в обозреваемой литературе принадлежит статье М.А. Белосусовой, в которой автор решает

© Дубровский А.М., Шадоба К.С.

© Dubrovsky A.M., Shadoba K.S.

вопрос о начале политики вскрытия мощей[3].

Отметим, что в некоторых статьях, таких как статьи А.Н. Кашеварова «Судьба мощей святого князя Александра Невского...» и Н.С. Майорова «Вскрытие мощей Сергия Радонежского и кампания по ликвидации мощей во Всероссийском масштабе» обстановка вскрытия мощей освещена тенденциозно, вопреки показаниям источников с явными фактологическими ошибками. В частности, у Кашеварова самыми вопиющими являются: неверное установление даты начала политики вскрытия мощей (16 февраля 1919 г.) и односторонне обобщенная характеристика политики государства и местных органов самоуправления в этой области. Согласно Майоровой, массовый характер кампания принимает уже с осени 1918 г., однако как будет показано далее, говорить о подобном невозможно. В работе Майоровой, так же как и в труде Кашеварова, встречаются ссылки на не существующие постановления, или наблюдается отсутствие ссылок на источники, или ссылок, которые подтверждали бы указанные автором сомнительные даты и содержание цитируемых автором постановлений. Конкретные случаи будут указаны ниже.

В значительной части работ вскрытие мощей в 1919-1922 гг. освещено без должного внимания к подробностям и чаще всего отдельные черты этого события (единичные факты) возводятся в ранг типичного для всей страны.

Именно эта политика, как представляется, подвергается тенденциозному истолкованию и искажению. Стоит заметить, что в литературе по теме, авторы не освещали, как деятельность по вскрытию мощей совпадала с политикой центральных органов власти и «генеральной линией» партии большевиков за период 1917-1922 г. Все эти наблюдения и соображения оправдывают появление настоящей работы.

Цель предлагаемой статьи заключена в том, чтобы охарактеризовать процесс вскрытия мощей в Советской России после прихода большевиков к власти и политику центрального правительства по отношению к этому процессу.

Ещё до революции 1917 г. в большевистской литературе ставился вопрос об отношении большевиков к религии, о той политике по отношению к церкви, которая предполагалась после взятия власти. В.И. Ленин в статье «Социализм и религия» (1905 г.) писал:

«Религия должна быть объявлена частным делом... Государству не должно быть дела до религии, религиозные общества не должны быть связаны с государственной властью. Всякий должен быть совершенно свободен исповедовать какую угодно религию или не признавать никакой религии, то есть быть атеистом... Всякие даже упоминания о том или ином вероисповедании граждан в официальных документах должны быть безусловно уничтожены. ... Вы должны стоять за полное отделение церкви

от государства и школы от церкви, за полное и безусловное объявление религии частным делом. Партия наша есть союз сознательных, передовых борцов за освобождение рабочего класса. Такой союз не может и не должен безразлично относиться к бессознательности, темноте или мракобесничеству в виде религиозных верований. Мы требуем полного отделения церкви от государства, чтобы бороться с религиозным туманом чисто идейным и только идейным оружием, нашей прессой, нашим словом» [15, т. 12. с. 142-147].

Из сказанного видно, что Ленин занимал атеистическую позицию, но эта позиция не носила агрессивного-воинственного характера. Важным пунктом будущей политики было отделение церкви от государства и школы. Именно эта идея Ленина послужила в будущем источником и основой Декрета «Об отделении церкви от государства, школы от церкви». В основе борьбы с «бессознательностью, темнотой, мракобесничеством» (т.е. с религией) должно быть не физическое уничтожение церковных деятелей и насильственное закрытие храмов, а просвещенческая работа с населением. Вскрытие мощей святых в ту пору, когда Ленин писал свою статью, не могло прийти ему в голову.

В период гражданской войны позиция Ленина в отношении церкви осталась прежней. Это видно из выступления Ленина 19 ноября 1918 г.:

«Бороться с религиозными предрассудками надо чрезвычайно

осторожно; много вреда приносят те, которые вносят в эту борьбу оскорбление религиозного чувства. Нужно бороться путем пропаганды, путем просвещения. Самый глубокий источник религиозных предрассудков — это нищета и темнота; с этим злом и должны мы бороться» [15, т.37. с. 186].

В 1919 г. в проекте программы большевистской партии в разделе «Основные задачи диктатуры пролетариата в России» Ленин писал:

«Пролетарская диктатура должна неуклонно осуществлять фактическое освобождение трудящихся масс от религиозных предрассудков, добиваясь этого посредством пропаганды и повышения сознания масс, вместе с тем заботливо избегая всякого оскорбления чувств верующей части населения и закрепления религиозного фанатизма» [15, т. 38. с. 95].

Еще один источник — записка Ленина, написанная им в апреле 1921 г. В этом году празднование пасхи совпало с пролетарским праздником 1 мая. Ленин писал ответственному секретарю ЦК партии В.М. Молотову:

«Т[оварищу] Молотову. Если память мне не изменяет, в газетах напечатано письмо или циркуляр Ц[ентрального] К[омитета] насчет 1 мая [1921 года], и там сказано: разоблачать ЛОЖЬ религии или нечто подобное. Это нельзя. Это нетактично. Именно по случаю пасхи надо рекомендовать иное: не разоблачать ложь, а избегать, безусловно, всякого оскорбления религии. Надо издать

дополнительно письмо или циркуляр. Если Секретариат не согласен, то [вынести на обсуждение] в Политбюро» [15, т. 52. с. 140].

И действительно, 21 апреля 1921 г. в газете «Правда», в дополнение к ранее опубликованному циркуляру, ЦК опубликовал письмо, в котором предлагалось при праздновании 1 Мая: «ни в коем случае не допускать каких-либо выступлений, оскорбляющих религиозное чувство массы населения» [15, т. 52. с. 386].

В декабре 1921 г. Ленин отреагировал на подозрение, будто он предлагал жечь молитвенники:

«Само собой разумеется, что я никогда этой вещи не предлагал и предложить не мог. Вы знаете, что по нашей Конституции, по основному закону нашей республики, свобода духовная насчет религии за каждым безусловно обеспечена» [15. т. 44. с. 333].

Ленинской точке зрения вполне соответствовали публичные диспуты на религиозные темы. Как известно, в 1920-е гг. одним из самых распространенных средств антирелигиозной пропаганды были такие диспуты. Это были увлекательные дискуссии, обычно протекавшие мирно и в рамках приличия, между религиозными деятелями и представителями атеистически настроенной общественности. Известно, что в такого рода состязаниях на стороне атеистов участвовал сам нарком просвещения А.В. Луначарский, о котором церковные представители отзывались всегда

очень уважительно [2, с.84]. Вообще, Анатолий Васильевич был сторонником расширения доброжелательных мировоззренческих дискуссий с Церковью и в этом он следовал ленинским установкам [2, с. 96]. Диспуты вызывали огромный интерес у населения, особенно у крестьян. Бывало, что на такие мероприятия собиралось по несколько тысяч зрителей. Люди с нетерпением ждали начала состязаний, внимательно следили за их развитием, задавали докладчикам до 100 и более вопросов, бурно реагировали на итоги. А итоги могли быть самыми разными: в одних случаях побеждали атеистически настроенные пропагандисты, в других — верующие и духовенство, в третьих дискуссия заканчивалась ничьей. Участники могли требовать реванша, повторения диспута. Зачастую его инициаторами были простые верующие или представители духовенства. Любопытно, что превосходство религиозников над своими оппонентами было настолько регулярным явлением, что в середине 1920-х годов на уровне центральных органов диспуты были объявлены «не особенно удобной» формой пропаганды, а в 1928 г. рассматривался вопрос об их полном запрете [4, с. 217-223]. Однако вернемся к нашей теме.

2 февраля (20 января) 1918 г. Совет Народных Комиссаров РСФСР утвердил декрет «О свободе совести, церковных и религиозных обществах». Страшными

«ударами» по церкви в этом декрете было устранение церкви от функций регистрации актов гражданского состояния, запрет на принудительное взывание сборов в пользу церкви, ликвидация церковного школьного образования. Но как мне видется, самым чувствительным было уничтожение гегемонии РПЦ в вопросах религии, уравнивание её в правах со всеми прочими религиозными объединениями.

19 апреля 1918 г. была создана специальная «ликвидационная» комиссия при народном комиссариате юстиции для проведения в жизнь Декрета [25, с. 221]. Эта комиссия носила название VIII отдела Наркомата юстиции. Основные функции VIII отдела наркомата сводились к следующему: «координация работы советских органов по проведению в жизнь Декрета об отделении Церкви от государства и школы от Церкви; административное регулирование взаимоотношений государственных структур с религиозными организациями (независимо от их вероисповедания) на новой правовой основе; обеспечение контроля за точностью исполнения положений базового Декрета; недопущение нарушений советского законодательства о культах (с чьей бы стороны они ни происходили); осуществление предварительного следствия в отношении лиц, уличенных в нарушении Декрета. Среди прочего VIII отдел оказывал помощь органам ВЧК в пресечении антисоветских проявлений в деятельности религиозных

организаций» [14, с. 242]. То есть под ликвидацией понималось устранение влияния церкви во всех областях общественной жизни, где она напрямую не участвует, следовательно во всех кроме духовной.

Руководил отделом Петр Ананьевич Красиков, идейный революционер, с 1903 г. член РСДРП большевик, с 1918 г. заместитель наркома юстиции, в этом же году он стал главным редактором журнала «Революция и церковь». Как видно, никакого внимания вскрытию мощей власть не придавала, в Декрете такая мера совершенно не предусматривалась. Предполагаемое содержание деятельности VIII отдела вписывалось в ленинскую программу политики по отношению к церкви.

Церковь встретила Декрет враждебно. 22 января 1918 г. вышло первое послание патриарха к верующим. Глава церкви призвал русский народ:

«Противостать врагам Церкви силою властного всенародного вопля, который покажет безумцам, что не имеют они права называть себя поборниками народного блага, так как действуют прямо противно совести народной», православные христиане должны были, «встать в ряды духовных борцов..., не вступать с извергами рода человеческого в общение», а в случае необходимости «и пострадать за дело Христово» [1, с.17].

После чего, 25 января 1918 г. Собор принял постановление, угрожавшее анафемой всем, кто принял бы участие в реализации Декрета «О

свободе совести», так как этот декрет есть *«акт открытого против Церкви гонения»* [1, с. 18].

Кроме того, в этот же день, Собор принял постановление о преемстве церковной власти, согласно которому патриарху предоставлялось возможность самостоятельных и тайных выборов преемника с передачей всей полноты патриарших прав. При этом патриарх мог назначить не одного, а нескольких преемников, а имена их до определенного времени могли сохраняться в секрете. В целях предотвращения грабежа церковного имущества 28 февраля 1918 г. Собор принял специальное постановление. По нему на местах для этой цели предлагалось создать союзы из прихожан. И наконец, 19 апреля 1918 г. Собор принял постановление о мероприятиях по «прекращению нестройной церковной жизни». В соответствии с ним церковным наказаниям подвергались те члены Церкви, которые «не повинуются священноначалию и идут на сотрудничество с богоборческой властью» [1, с. 19].

Нетрудно понять какую политику заняло духовенство по отношению к советской власти.

С ноября 1917 г. начинается стягивание различных контрреволюционных сил на Дон. В добровольческую армию Корнилова прибывали не только кадровые офицеры, но и священнослужители и прочие духовные лица (к примеру, князь Г. И. Трубецкой) [22]. Также в период лета 1918 г.

встретила сопротивление со стороны клира политика советской власти по отделению церкви от школы. С весны 1918 г. начинается изъятие из собственности и пользования церкви зданий школ, семинарий и академий. Эта деятельность властей вызвала протесты в среде духовенства и усиливала их противодействие советской власти.

23 января 1918 г. Церковь вообще и РПЦ, в частности, официально лишалась прав юридического лица, у нее конфисковалось все имущество, не используемое в богослужении.

«Никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют. Все имущества существующих в России церковных и религиозных обществ объявляются народным достоянием. Здания и предметы, предназначенные специально для богослужебных целей, отдаются, по особым постановлениям местной или центральной государственной власти, в бесплатное пользование соответственных религиозных обществ»[21] — так говорилось в правительственном декрете об отделении церкви от государства и школы от церкви .

Тем самым советское правительство действовало в рамках ленинской программы государственно-конфессиональных отношений, при этом не лишая верующих граждан права продолжать отправление культа, но нанося удар по враждебной ей церковной организации.

5 сентября 1918 г. выходит постановление СНК РСФСР «О красном терроре» в котором говорится о необходимости «обеспечения тыла путем террора... классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях; что подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам...» [10, с. 15]. Такими лицами отчасти были и некоторые священнослужители.

При этом патриарх в шестом послании от 25 сентября 1919 г., обращенном ко всем архипастырям, заявил о лояльном отношении Церкви к Советской власти:

«Церковь не связывает себя ни с каким определённым образом правления, ибо таковое имеет лишь относительное историческое значение», служители же Церкви должны *«стоять выше и вне всяких политических интересов».* Патриарх призвал подчиняться велениям Советской власти *«поскольку они не противоречат вере и благочестию»* [1, с.118].

Подобное смягчение официально выраженной позиции патриарха было вызвано, скорее всего, поражениями белых армий на полях сражений гражданской войны. В сентябре был эвакуирован английский десант из Архангельска, в этом же месяце закончился разгром армии Юденича. Только на юге и востоке белогвардейским частям пока удавалось достигать определенных успехов, но большинство думающих людей понимало, что белое дело проиг-

рано, и советская власть закрепи-лась основательно и надолго.

В таких сложных и запутанных условиях проходило то, что принято называть «политикой вскрытия мощей». В существующей литературе, как указывалось выше, неясным оказался вопрос о начале политики государства по отношению ко вскрытию мощей. Общепринятой датой начала такой политики является 16 февраля 1919 г., в частности, на это указывает А.Н. Кашеваров[12]. Эту дату повторяют и другие авторы[5, 19]. Однако, как обстоятельно показала в своей работе М.А. Белоусова, никаких фактических и объективных данных подтверждения этой даты нет[3]. Автором указывается и отсутствие ссылок на источники, из которых следовала бы такая дата.

К сказанному Белоусовой необходимо добавить следующее. В обоснование указанной даты Кашеваров сослался на Постановление Коллегии Народного Комиссариата Юстиции по вопросу о мощах, опубликованное в журнале «Революция и церковь» [20]. Этот документ имеет дату – 6 июля 1920 г., что никак не совпадает с датой 16 февраля 1919 г. Однако в Постановлении есть указание: «Принципиально остается в силе старое постановление», но нет указаний, какое конкретно постановление, когда оно было принято. Исходя из текста рассматриваемого Постановления, следует, что подтверждаются положения циркуляра ВЧК от 28

февраля 1919 г., и опять же никаких ссылок на документ от 16 февраля 1919 г. не сделано.

Как известно, первый случай вскрытия мощей святого произошел без всякого вмешательства или инициативы центральной власти, до появления регламентирующих эту процедуру официальных указаний. На низовом уровне эта деятельность проходила с 22 октября 1918 г. со вскрытия мощей Александра Свирского. О событиях в монастыре центральные власти узнали впервые из доклада бывшего православного священника Михаила Галкина, который в качестве эксперта Наркомата юстиции побывал в Олонецкой губернии осенью 1918 г. В своем отчете он сообщал, что в сентябре 1918 г. комиссия губернского исполнительного комитета в составе 15 человек прибыла в Александро-Свирский монастырь для принятия на народный учет собственности монастыря в соответствии с декретом об отделении церкви от государства. Монахи ударили в набат, собравшиеся на зов колокола верующие заставили незваных гостей на время ретироваться. Впоследствии при помощи красноармейцев настоятель и наиболее активные монахи были арестованы властями и расстреляны. 22 октября члены Лодейнопольского уездного совета посетили Александро-Свирский монастырь, реквизируя все ценное имущество. Среди прочего были изъяты и три раки для мощей. Галкин утверждал, что при вскрытии мощей в присутствии «многочисленных

представителей» в раке вместо нетленных останков четырех угодников была обнаружена «самая обыкновенная кукла»[22].

Из доклада Галкина видно, что прием на государственный учет имущества монастыря был проведен в обстановке острейшего противостояния, даже борьбы. Вскрытие раки воспринималось участниками события как акт мести церкви, монахам, которые оказали сопротивление действиям местной власти. Никакой целенаправленной политики центральной власти в этом эпизоде не прослеживается.

Этот эпизод с куклой вместо ожидаемых мощей произвел большое впечатление на современников (Однако хочу заметить, что мне не удалось установить, как именно об этом эпизоде стало известно в других регионах страны; в главных советских газетах «Правде» и «Известиях» за период ноября-декабря статей описывающих этот сюжет нет) и способствовал дальнейшему процессу вскрытия гробниц святых.

Последовавшее же за этим событием совещание VIII-го отдела Наркомюста от 14 февраля 1919 г. постановило:

«1.1. Ввиду установления на местах вполне организованного порядка вскрытия и проверки мощей применительно к местным условиям (по постановлению съездов советов, губисполкомов, но всегда в присутствии представителей) особого циркуляра по этому поводу не издавать, предоставив инициативу на места.

1.2. Для устранения возможности использовать в дальнейшем обман с мощами предложить губисполкомам по истечении некоторого времени, достаточного для того, чтобы массы могли убедиться в обмане, вскрытые раки со всем содержимым после описи передать распоряжением губисполкомов для направления в местные музеи в отдели церковной старины» [8].

Из документа следует, что к этому времени центральное советское правительство не рассматривало процесс вскрытия мощей как явление, политически необходимое и нуждающееся в регулировании высшими органами государства. Содержание цитированного постановления вполне соответствовало ленинской позиции, выраженной в упоминавшихся выше работах.

Помимо прочего постановление было «положено в стол» и не было опубликовано, для повсеместного использования на местах, по мнению руководства 8-го отдела,

«ввиду установления на местах вполне организованного порядка вскрытия мощей применительно к местным условиям (по постановлению Съездов Советов, губисполкомов, но всегда в присутствии представителей от служителей культа и врачебного персонала) особого циркуляра по этому поводу не издавать, предоставив инициативу на местах» [20, с. 43].

Приведённый текст повторяет цитированное выше постановление. В таком виде руковод-

ство отдела окончательно сформулировало свою позицию. Именно такой текст и был опубликован.

О целенаправленной политике в отношении судьбы мощей можно говорить лишь с появлением первых нормативных документов, которые определяли принципы работы представителей государства с церковью и ее служителями. Таковым нормативным документом, является постановление Совнаркома «О ликвидации мощей во всероссийском масштабе» от 20 июля 1920 г. С этой датой согласна Белоусова.

Начало деятельности «ликвидационной комиссии» 8-го отдела НКЮ пришлось на благоприятное время. Дело в том, что в древности на гробницах святых писали: «лежит телом» (то есть тело полностью сохранилось) или «лежит мощми» (сохранились только кости или даже отдельные кости, ибо тело почившего святого было прежде рассечено для изъятия частиц святых мощей на церковные нужды). Об этом подробно говорилось в брошюрах Священного Синода «О почитании святых мощей», однако в народной среде подобные специфические знания отсутствовали. Поэтому даже многие священники, получившие только семинарское образование, относились к мощам святых, отталкиваясь от собственных представлений. И в сознании большинства прихожан существовала некая аксиома: мощи — это нетленные тела почивших святых, которым должно воздавать такое

же почтение, как и иконам. Ключевое здесь слово "нетленное". И хотя отцы церкви множество раз объясняли, что сама по себе нетленность не должна и не может быть обязательным условием святости; что святость человека определяется вовсе не степенью сохранности его останков, а его жизнью и служением Богу; что почтения заслуживают и полностью истлевшие останки святых[11]. На эту тему даже были проведены открытые лекции профессора И.В. Попова, проходившие в разгар политики вскрытия мощей, однако хоть какого-либо эффекта они не имели.

Народ из всех этих объяснений понимал и принимал только то, что мощи — значит нетленные. Все остальное — подделка и обман. Этим, как и просто падением авторитета церкви и воспользовалось советское правительство, желавшее еще больше упрочить свои позиции в деле агитации и пропаганды, дискредитировав и окончательно устранив влияние церкви на массы.

Самыми красноречивыми результатами проводимых работ стали протоколы вскрытий. Ниже представлены положения из отчета о вскрытиях мощей за 1920 г., представленных Красиковым Всероссийскому съезду советов[18].

В этом отчете значительное место занимала таблица со сведениями о вскрытии мощей, именах святых, содержанием раков, реакции присутствовавших при вскрытии, судьбе мощей после вскрытия.

Всего же если сводить все к сухим цифрам, результат вскрытия мощей был следующий. Всего было вскрыто 65 гробниц. Из них 63 за период 1918-1920 гг. и 2 в 1922 (Александр Невский) и 1930 (Анны Кашинской). Были обнаружены в 29 — истлевшие кости, в 18 — куклы из воска картона ваты и т.п. (иногда с элементами мощей, частей тел и т. п.), в 16 — трупы частично гниющие, частично мумифицированные, в 2 ничего не обнаружено[18].

Динамика вскрытия мощей представляется следующей: в октябре 1918 г. — одно вскрытие. В январе 1919 г. — одно вскрытие. В феврале — 27 вскрытий, наибольшее число за все время. 5 вскрытий в марте. Далее — апрель 1919 г.: 13 вскрытий (второй по результативности месяц). В мае — 2. В декабре — 1. В общей сложности за 1919 г. 49 вскрытий. За 1920 г. произошли 6 вскрытий в апреле и 3 вскрытия в сентябре. Также в источниках упомянуты 4 вскрытия без указания даты. Из чего следует, что большинство вскрытий производилось в то время когда центральная власть отказалась от регулирования мероприятий по проведению вскрытий мощей и оставляло её проведение на органах местной власти. В соответствующей литературе по теме статистика не освещена и не подвергалась осмыслению ранее.

В рассматриваемом отчете представлена вся картина вскрытий мощей, проведенных в стране. Большинство вскрытий

проходило на территориях европейской части России, от Архангельской до Самарской губернии, с севера на юг и от Псковской до Екатеринбургской губерний с запада на восток, тем самым покрывая большую часть центрально-европейской территории страны.

Такие итоги вскрытий не могли не смутить церковь. 17 февраля 1919 г. патриарх Тихон направил священнослужителям «доверительное» (предназначавшееся только для них) письмо. В нем предлагалось исправить ситуацию — устранить все возможности для глумления над мощами, то есть привести мощи в вид, который бы не вызывал у членов комиссии и народа негативной реакции [1, с. 158]. Однако, не смотря на это «доверительное» письмо патриарха Тихона, священнослужители РПЦ не смогли переломить то впечатление, которое оставляло у верующих вскрытие мощей. Стоит отметить, что церковь пыталась «сохранить лицо» и, если не способствовала, то, по крайней мере, не препятствовала политике вскрытия мощей, однако изменить сложившееся положение она уже не могла. Даже то, что мощи таких широко почитаемых святых как Александр Невский или Сергей Радонежский, оказались в порядке, без лишних предметов или с отсутствием необходимых не могло ничего исправить [17].

Обстановка потребовала детализировать процедуру процесса вскрытия мощей. Это было сделано особым циркуляром ВЧК от

28 февраля 1919 г. Из этого директивного документа следовало:

«В случае возникновения сомнений, в случае действительной надобности проверки обследование должно производиться в присутствии ответственных членов советских организаций и уполномоченных от верующих и священнослужителей, а также в присутствии свидетелей; причем должна быть составлена тщательная опись всех обнаруженных вещей и должен быть аккуратно написан и всеми уполномоченными и свидетелями подписан протокол всего обследования»; «и так терпимо относиться к искренне верующим...»; «ни в коем случае не действуйте так, чтобы потом пришлось опираться на вооруженную силу» [13].

По сути, этот документ детализировал постановление совещания VIII-го отдела Наркомюста от 14 февраля 1919 г. Все эти директивные документы, исходившие от центральной власти, должны были урегулировать проведения политики вскрытия мощей в жизнь и свести возможные эксцессы к минимуму.

Однако общественность, подогреваемая советской печатью, обрушилась на церковь, что в свою очередь вело к перегибам в политике власти и откровенному кощунству с ее стороны. От 1919 г. сохранилось свидетельство, указывающие на то, что

«в конце марта прихожане составили заявления в наркоматы внутренних дел и юстиции с жалобой на оскорбительные действия

местных властей, указав, что "грубость и издевательство членов комиссии по вскрытию мощей дошли до того, что один из членов комиссии несколько раз плюнул на череп Саввы..."» [6].

Из этого источника видно, что методы, которые предлагала центральная власть в работе с верующими по поводу вскрытия мощей, не совпадали (или не всегда совпадали) с теми методами, которыми работала местная власть.

Отметим, что во время гражданской войны на политических плакатах священники изображались как сторонники Белого движения, способствовавшие угнетению народа вместе с царем и капиталистами. Эти средства пропаганды, доступные неграмотному населению, укореняли в общественном сознании горожан образ священнослужителя как врага новой власти, и «душителя и кровопийца народа» [9, с. 17]. Это был новый мотив в политике власти по отношению к церкви.

Отношение к РПЦ в народе начало возвращаться к более спокойному после начала голода 1921 г. и действий священнослужителей и патриарха в деле помощи голодающим. В этот же год произошло вскрытие раки Александра Невского – последнее вскрытие мощей в первые после революционные и 20-е гг., связанное больше с политикой изъятия церковных ценностей, чем с политикой ликвидации мощей.

Последним же прецедентом стало вскрытие мощей Анны Кашинской во время «пятилетки

безбожия» в 1930 г., однако к тому времени отклика среди народа эта акция не получила и на этом политика вскрытия мощей была прекращена[7].

Политика власти по отношению ко вскрытию мощей не могла не учитывать реакцию верующего населения на эти действия власти. Эта реакция населения в период с 1918 по 1920 г. была разной. Некоторые авторы утверждают что за все указанное время было проведено порядка 1,5 тысячи акций в защиту мощей, ссылаясь при этом на данные ВЧК, но не указывая конкретно те источники, из которых он почерпнул эти сведения[16]. Автору настоящей работы таких данных найти не удалось. С уверенностью можно сказать лишь то, что крупных волнений вскрытия мощей не вызвали. Самым широким по количеству собравшихся было вскрытие гробницы Сергия Радонежского в марте 1919 г. Оно вызвало сход зевак. В этом случае органами ВЧК никаких столкновений или, тем более, кровопролития не зафиксировано, народ собрался и просто ждал оглашения результатов, после чего мирно разошелся по домам.

Однако главного результат – отрешения народных масс от веры, – чего пытались добиться советское руководство, не последовало. Из этого можно сделать вывод, что политика оказалась неудачной, и это послужило одной из причин её сворачивания и переключения на другие направления антирелигиозной деятельности. Но, не смотря на общую неудачу политики, вера

в церковь как в институт общественной жизни в народе была в определенной мере дискредитирована, о чем свидетельствовали отдельные высказывания свидетелей вскрытий мощей, зафиксированные членами комиссий, занимавшихся вскрытиями.

В том же циркуляре ВЧК от 28 февраля 1919 г. значится:

«Итак терпимо относясь к искренне верующим, борясь оружием свободной критики с обветшалыми религиозными предрассудками, беспощадно клеймя заблуждения, тщателью разоблачая вековые обманы, мы не только не оскорбим чувств инакомыслящих, но наоборот, тем скорее привлечем наиболее честных из них на сторону подлинно-научных взглядов и таким образом окончательно разобьем цепи духовного рабства» [13, с. 401-402].

Эта цитата, на мой взгляд, как нельзя лучше характеризует смысл и сущность проводимой советской властью политики. Реакцию церкви высказал в своем письме к М.И. Калинину Патриарх Тихон:

«Как известно, почитание Святых и Их останков (Мощей) и приношение Богу жертвы путем возжигания восковой свечи являются древними обрядами Православной и Римско-Католической Церквей, непосредственно относящимися к области культа. Исходя из присущаго будто бы всем Мощам признака нетления, VIII Отдел Народнаго Комиссариата Юстиции ... занялся ревизованием мощей Православной Русской Церкви, вскрывая

раки и гробницы с останками признанных Церковью святых, а когда наконец нашел мощи св. виленских мучеников, удовлетворявшия выставленному ими признаку нетления, то в возбужденном судебном процессе старался доказать неправильность церковной канонизации виленских угодников. Мощи, канонизация, восковые свечи — все это предметы культа. И ныне во имя попираемой идеи свободной совести приходится взывать к власти имущим в РСФСР, как обратился когда-то Донат к Константину Великому со словами: “Какое дело Государству (особенно атеистическому) до Церкви“» [1, с. 256-257].

Однако стоит заметить что словесные баталии ни к чему значительному не привели, и впоследствии церковь переключилась на защиту более важных для нее «церковных ценностей», упоминаемая мощи в общем ряду поругаемых святынь, не уделяя им того внимания которое она (церковь) проявляла в 18-19 гг.

Власть поняла безрезультатность политики вскрытий мощей, о чем говорит обвальное снижение динамики вскрытий с первых месяцев 1919 г. и небольшое количество вскрытий после принятия декрета от 25 июля 1920 г. В сущности же, политика центральных государственных органов была выдержана, по большей части, в ленинском духе, однако её реализация на местах, не всегда отвечала курсу партии в духовном вопросе. Это, а также «темноту» и консервативность, косность народных масс можно считать ключевыми

причинами провала политики вскрытия мощей. В атеистической политике власти история со вскрытиями мощей была чем-то вроде первоначальной кампании, проводить которую было затруднительно в обстановке, когда власть боролась со внутренними и внешними врагами. Следующая большая кампания была представлена «пятилеткой безбожия». Это была уже гораздо более целенаправленная, широкая политическая акция, шедшая исключительно «сверху», в отличие от процесса вскрытия мощей.

Список литературы:

1. Акты Святейшего Тихона, патриарха Московского и всея Руси, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917-1943. / сост. М.Е. Губонин. — М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского Института, 1994. — 1062 с. [Текст: непосредственный]
2. Алексеев В. А. Иллюзии и догмы. М., 1991. С. 84.
3. Белоусова М.А. Нормативное регулирование кампании по вскрытию и ликвидации мощей в РСФСР 1919-1920 [Текст: электронный] / Белоусова М.А. // Вопросы российской юстиции. — 2020. — №6. — С. 25-35.
4. Булавин М. В. Взаимоотношения государственной власти и православной церкви в России в 1917—1927 гг. (на примере Урала). Дис. канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000. С. 217—223.
5. Бычков С.С. Большевики против Русской Церкви. Очерки по истории Русской Церкви. 1917-1941. Т. II. М., 2006. С. 160
6. Вскрытие святых мощей [Текст: электронный] // ГАРФ. Ф. 393. Оп. 1. Д. 111. Л. 59-60.
7. Газов Е.А. Документы о вскрытии мощей св. княгини Анны Кашинской [Текст: электронный] / Газов Е.А. // Вестник церковной истории. — 2018. — 1-2 (49-50). — С. 132-144.
8. ГАРФ. Ф. А-353. Оп.2. Д.4. Л.166. Заверенная копия. Машинописный текст.
9. Григорий Фриз «Воцерковление» 1917 года: церковный кризис и приходская революция [Текст: электронный] / Государство — Религия — Церковь. — 2019. — №S(37). — С.17
10. ГУЛАГ (Главное управление лагерей) 1917—1960 / Под общей редакцией академика А. Н. Яковлева. Составители: А. И. Кокурин и Н.В. Петров. Научный редактор В.Н. Шостаковский — М.: Международный Фонд «ДЕМОКРАТИЯ», 2000. — С. 15.
11. Капитула Я.Н. Вскрытие мощей URL:<http://www.nikolaevskii-sobor.ru/kniga.php?page=vskritie-sviatih-moshei-savvi-storojevskogo> (дата обращения 10.11.2021)
12. Кашеваров А.Н. Судьба мощей святого князя Александра Невского в советское время [Текст: электронный] / Кашеваров А.Н. //

Научные труды северо-западного института управления РАНХиГС. – 2013. – №5 (12). – С.270-275.

13. Конфессиональная политика советского государства. 1917-1991 гг.: Документы и материалы: в 6 т. Т.1: в 4 кн.: 1917-1924 гг. Кн.3. Народные комиссариаты СНК РСФСР (1917-1924) и СНК СССР (1922-1924): проведение в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» / отв. сост. М.И. Одинцов. М.: Политическая энциклопедия. 2018 (с.398-402).

14. Крапивин М. Ю. Юрисконсульт VIII отдела Наркомюста РСФСР Н. Н. Липкин-Копейщиков: к вопросу о формах взаимодействия органов ВЧК и структур Наркомата юстиции в борьбе с «религиозной контрреволюцией» [Текст: электронный] // Вестник церковной истории. – 2019. – №3-4. – С.242.

15. Ленин В.И. Полное собрание сочинений : в 55 т. / В. И. Ленин ; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС — 5-е изд. — М.: Гос. изд-во полит. лит., 1968. — Т. 12, 37,38,44,52.

16. Лихоманов Н.И. Отношения власти и Церкви в начале советского периода (1919–1922 гг.) [Текст: электронный] / Лихоманов Н.И. // Ярославский педагогический вестник — 2014. — № 4. — Том I (Гуманитарные науки)

17. Майорова Н.С. Вскрытие мощей Сергия Радонежского и кампания по ликвидации мощей во Всероссийском масштабе [Текст: электронный] // Вестник КГУ. — 2016. — №2.

18. Отчет VIII-го (ликвидационного) отдела народного комиссариата юстиции VIII-му всероссийскому съезду советов [Текст: электронный] // Революция и церковь. 1920. №№ 9-12. С.70-82

19. Попов И.В. О почитании святых мощей (часть 1) [Текст: электронный] / Попов И.В. // Журнал Московской Патриархии. — 1997. — №1.

20. Революция и церковь. 1919. №2. Вып. 6-8.

21. Регельсон Л.Л. Трагедия Русской церкви. 1917-1953 гг. М., 2017. С.85.

22. Рогозный П.Г. «большевики и святые мощи»/ Культурная антропология. - 2020. - С. 990-1004

Постановление Коллегии Народного Комиссариата Юстиции по вопросу о мощах // Революция и церковь. 1919. №6-8. С.11.

23. СУ РСФСР, 1918, № 18, ст. 263, «Газета Рабочего и Крестьянского Правительства», № 15, 23.01.1918, «Свод законов РСФСР», т. 1, с. 861, 1988 г.

24. Цыпин В. История Русской Православной Церкви 1917 – 1990 гг. [Текст: электронный]

25. Юсупова В.А. Государство и церковь в 1917-1920 годах [Текст: электронный]/Юсупова В.А.// международный научный журнал «инновационная наука». – 2015. - №6. – с. 221

ATTITUDE OF THE AUTHORITIES, THE PEOPLE, THE CHURCH TO THE POLICY OF OPENING THE RELICES (1918-1922)

The article examines an important and especially acute for our country issue of interaction between the secular state and the church both at the grassroots and at the highest level, using the example of one of the aspects of church life. The policies pursued by the Soviet state in the early years of Soviet rule generated a lot of speculation and misinterpretations caused by superficial study of the subject and entrenched stereotypes. The article clarifies the existing ideas about the process of opening the relics, reveals the mistakes of a number of researchers. The main problem is the assessment by contemporaries and direct participants in the events of the policy pursued by the state and its results. The key method of work is the method of collating documents of secular authorities, church bodies and the memoirs of eyewitnesses of the events. The autopsy of the relics as a process that began from below and was picked up later by the state, as a grassroots one and really influencing the attitude of ordinary people to the church, could not eliminate the churching of the masses. However, it was the background against which the interaction of the new government and the organization of the Russian Orthodox Church was built in the first years of Soviet authorities.

Keywords: opening of relics, Russian Orthodox Church, soviet power, Civil war in Russia, Lenin, Krasikov Petr Ananievich, patriarch Tikhon, All-Russian Special Commission for Combating Counter-revolution and Sabotage, People's Commissariat for Justice, VIII Department "Liquidation Commission".

References

1. Akty Svyatejshego Tihona, patriarha Moskovskogo i vseya Rusi, pozdnejšie dokumenty i perepiska o kanonicheskom preemstve vysshej cerkovnoj vlasti. 1917-1943 (1994) [Patriarch of Moscow and All Russia, later documents and correspondence on the canonical succession of the highest church authority. 1917-1943.] / sost. M.E. Gubonin. – M.: Izd-vo Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo Bogoslovskogo Instituta, – 1062 p. [Tekst: neposredstvennyj]
2. Alekseev V. A. (1991) Illyuzii i dogmy. [Illusions and dogmas] M. P. 84.
3. Belousova M.A. Normativnoe regulirovanie kampanii po vskrytiyu i likvidacii moshchej v RSFSR 1919-1920 [Normative regulation of the campaign for the opening and liquidation of relics in the RSFSR 1919-1920] (2020) [Tekst: elektronnyj] / Belousova M.A. // Voprosy rossijskoj yusticii. – 2020. – №6. – P. 25-35.
4. Bulavin M. V. (2000) Vzaimootnosheniya gosudarstvennoj vlasti i pravoslavnoj cerkvi v Rossii v 1917–1927 gg. [The relationship between state power and the Orthodox Church in Russia in 1917-1927.] (na primere Urala). Dis. kand. ist. nauk. Ekaterinburg, 2000. S. 217–223.
5. Bychkov S.S. Bol'sheviki protiv Russkoj Cerkvi. Ocherki po istorii Russkoj Cerkvi. 1917-1941. (2006) [Bolsheviks against the Russian Church. Essays on the history of the Russian Church. 1917-1941] T.II. M. P. 160
6. Vskrytie svyatyh moshchej [Opening of the holy relics] [Tekst: elektronnyj]// GARF. F. 393. Op. 1. D. 111. L. 59-60.
7. Gazov E.A. (2018) Dokumenty o vskrytii moshchej sv. knyagini Anny Kashinskoj [Tekst: elektronnyj] / Gazov E.A. // Vestnik cerkovnoj istorii.

2018. 1-2 (49-50). P. 132-144.

8. GARF. F. A-353. Op.2. D.4. L.166. Zaverennaya kopiya. Mashinopisnyj tekst.

9. Gregorij Friz «Vocerkovlenie» 1917 goda: cerkovnyj krizis i prihodskaya revolyuciya (2019) [Churchification" of 1917: church crisis and parish revolution] [Tekst: elektronnyj] / Gosudarstvo – Religiya – Cerkov'. №S(37). P.17

10. GULAG (Glavnoe upravlenie lagerej) 1917–1960(2000) [GULAG (Main Directorate of Camps) 1917-1960]. Pod obshej redakciej akademika A. N. YAKovleva. Sostaviteli: A. I. Kokurin i N.V. Petrov. Nauchnyj redaktor V.N. SHostakovskij — M.: Mezhdunarodnyj Fond «DEMOKRATIYA». 2000. P. 15.

11. Kapitula YA.N. Vskrytie moshchej URL:<http://www.nikolaevskii-sobor.ru/kniga.php?page=vskritie-sviatih-moshei-savvi-storojevskogo> (data obrashcheniya 10.11.2021)

12. Kashevarov A.N. Sud'ba moshchej svyatogo knyazya Aleksandra Nevskogo v sovetskoe vremya (2013). [The fate of the relics of the Holy Prince Alexander Nevsky in the Soviet era] [Tekst: elektronnyj] / Kashevarov A.N. // Nauchnye trudy severo-zapadnogo instituta upravleniya RANHiGS. №5 (12). P. 270-275.

13. Konfessional'naya politika sovetskogo gosudarstva. 1917-1991 gg.: Dokumenty i materialy: v 6 t. T.1: v 4 kn.: 1917-1924 gg. Kn.3. Narodnye komissariaty SNK RSFSR (1917-1924) i SNK SSSR (1922-1924): provedenie v zhizn' dekreta «Ob otdelenii cerkvi ot gosudarstva i shkoly ot cerkvi» (2018). [Confessional policy of the Soviet state. 1917-1991: Documents and materials: in 6 volumes. Vol. 1: in 4 books: 1917-1924. Book 3. People's Commissariats of the Council of People's Commissars of the RSFSR (1917-1924) and the Council of People's Commissars of the USSR (1922-1924): the implementation of the decree "On the separation of church from state and school from church"] / otv. sost. M.I. Odincov. M.: Politicheskaya enciklopediya. (P.398-402).

14. Krapivin M. YU. YUriskonsul't VIII otdela Narkomyusta RSFSR N. N. Lipkin-Kopeyshchikov: k voprosu o formah vzaimodejstviya organov VCHK i struktur Narkomata yusticii v bor'be s «religioznoj kontrrevolyuciej» (2019). [Legal adviser of the VIII department of the People's Commissariat of Justice of the RSFSR N. N. Lipkin-Kopeyshchikov: on the form of interaction between the Cheka and the structures of the People's Commissariat of Justice in the fight against "religious counter-revolution"] [Tekst: elektronnyj] // Vestnik cerkovnoj istorii. №3-4. P.242.

15. Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij: v 55 t. (2014). [Complete works: in 55 volumes] V. I. Lenin; In-t marksizma-leninizma pri CK KPSS. 5-e izd. M.: Gos. izd-vo polit. lit., 1968. T. 12, 37,38,44,52.

16. Lihomanov N.I. Otnosheniya vlasti i Cerkvi v nachale sovetskogo perioda (1919–1922 gg.) (2014) [Relations between power and the Church at the beginning of the Soviet period (1919–1922)] [Tekst: elektronnyj] / Lihomanov N.I. // YAroslavskij pedagogicheskij vestnik — 2014. № 4. Tom

I (Gumanitarnye nauki)

17. Majorova N.S. Vskrytie moshchej Sergiya Radonezhskogo i kampa-niya po likvidacii moshchej vo Vserossijskom masshtabe (2016). [The open-ing of the relics of Sergius of Radonezh and the campaign to eliminate the relics on an All-Russian scale] [Tekst: elektronnyj] // Vestnik KGU. №2.

18. Otchet VIII-go (likvidacionnogo) otdela narodnogo komissariata yusticii VIII-mu vserossijskomu s"ezdu sovetov (1920). [Report of the VIII (liquidation) department of the People's Commissariat of Justice to the VIII All-Russian Congress of Soviets] [Tekst: elektronnyj] // Revolyuciya i cerkov'. 1920. №№ 9-12. P.70-82

19. Popov I.V. O pochitanii svyatyh moshchej (chast' 1) (1997) [On the veneration of holy relics] [Tekst: elektronnyj] / Popov I.V. // Zhurnal Moskovskoj Patriarii. 1997. №1.

20. Revolyuciya i cerkov'. (1919). №2. P. 6-8. [Revolution and the Church. 1919. No. 2. Issue. 6-8.]

21. Regel'son L.L. Tragediya Russkoj cerkvi. 1917-1953 gg. (2017) [Tragedy of the Russian Church. 1917-1953] M. 2017. P.85.

22. Rogoznyj P.G. «bol'sheviki i svyatyje moshchi» (2020) ["Bolsheviks and holy relics"]. Kul'turnaya antropologiya. - 2020. - S. 990-1004 Postanovlenie Kollegii Narodnogo Komissariata YUsticii po voprosu o moshchah // Revolyuciya i cerkov'. 1919. №6-8. P.11.

23. SU RSFSR, 1918, № 18, st. 263, «Gazeta Rabochego i Krest'yanskogo Pravitel'stva» (1988). ["Newspaper of the Workers' and Peasants' Government"] № 15. 23.01.1918. «Svod zakonov RSFSR». T. 1. P. 861.

24. Cypin V. Istoriya Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi 1917 – 1990 gg. [His-tory of the Russian Orthodox Church 1917 - 1990.] [Tekst: elektronnyj]

25. YUsupova V.A. Gosudarstvo i cerkov' v 1917-1920 godah (2015) [State and Church in 1917-1920] [Tekst: elektronnyj]/YUsupova V.A.// mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal «innovacionnaya nauka». №6. P. 221.

Об авторах

Дубровский Александр Михайлович – доктор исторических наук, про-фессор Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, E-mail alexdubr48@mail.ru

Шадоба Кирилл Сергеевич – студент факультета истории и междуна-родных отношений Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, E-mail kirill_shadoba@mail.ru

Dubrovsky Alexander Mikhailovich – Doctor of Historical Sciences, Profes-sor of the Bryansk State University named after acad. I.G. Petrovsky, E-mail alexdubr48@mail.ru

Shadoba Kirill Sergeevich – student of the Faculty of History and Interna-tional Relations of the Bryansk State University named after acad. I.G. Pe-trovsky, E-mail kirill_shadoba@mail.ru